

А.М. Гуляев

**Общие учения системы
гражданского права в
практике Гражданского
кассационного департамента
Правительствующего сената
за пятьдесят лет**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
А11

А11 **А.М. Гуляев**
Общие учения системы гражданского права в практике Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената за пятьдесят лет / А.М. Гуляев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 79 с.

ISBN 978-5-458-55156-4

ISBN 978-5-458-55156-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Создавать законъ—дѣло законодателя, и никогда законодательная власть не переносила и не перенесетъ функціи законодательства на подчиненные органы власти.

Законы—это установленныя законодателемъ вѣхи, по которымъ можно распознавать право. Создавать эти вѣхи и разставлять ихъ, включая ихъ въ существующую систему законодательства или образуя изъ нихъ особый специальный сборникъ—гражданское уложеніе,—это дѣло законодательной власти; но законодатель *можетъ* предоставить подзаконнымъ органамъ, по разставленнымъ вѣхамъ, распознавать право въ тѣхъ случаяхъ, на которые еще нѣтъ закона, но по поводу коихъ уже возникло въ жизни недоумѣніе: законодатель можетъ это сдѣлать, но можетъ этого и не дѣлать, какъ это видно, напримѣръ, изъ ст. 65 нашихъ старыхъ основныхъ законовъ, гдѣ было провозглашено положеніе, что законы примѣняются по буквальному ихъ смыслу, не измѣняя въ нихъ ни единой буквы, безъ доклада Императорскому Величеству, и изъ ст. 7 *учрежденія мѣстныхъ судебныхъ установлений прежняго устройства* (т. XVI ч. II изд. 1892 г.), устранявшей возможность, при отсутствіи на данный случай прямого закона, разрѣшать споры о правѣ гражданскомъ,—доколѣ не будетъ въ установленномъ порядкѣ созданъ новый законъ. При дѣйствіи нашего дореформеннаго законодательства существовалъ, слѣдовательно, взглядъ, что понятія закона и права взаимно покрываются: все право въ законѣ; нѣтъ закона,—нѣтъ и права.

Обходиться такимъ взглядомъ возможно было только при неразвитомъ гражданскомъ оборотѣ. Но, когда пульсъ жизни сталъ бить сильнѣе, подобный взглядъ на совпаденіе права съ закономъ оказался совершенно непригоднымъ и долженъ былъ по необходимости уступить мѣсто свое противоположному взгляду, признающему, что понятіе права не покрывается понятіемъ закона, что изъ закона право только познается, но можетъ познаваться и изъ другихъ своихъ проявленій.

И въ результатѣ этого новаго взгляда появилась 9 ст. уст. гражд. суд., которая, въ связи со ст. 10 того же устава,

возложила на судъ непремѣнную обязанность разрѣшать всякіе споры о гражданскомъ правѣ, безразлично—есть ли на данный случай законъ или нѣтъ: въ послѣднемъ случаѣ судъ обязанъ рѣшить дѣло по общему духу закона, сообразно тому праву, которое успѣло выразиться въ существующемъ законѣ.

Въ силу ст. 9 уст. гражд. суд. судъ вовсе не призванъ творить законы,—ибо эта функція принадлежитъ только законодательной власти; равнымъ образомъ, судъ не призванъ творить право,—ибо судъ только примѣняетъ существующее право къ конкретнымъ явленіямъ жизни: въ силу провозглашеннаго уставомъ гражданского судопроизводства новаго взгляда, судъ призванъ раскрывать положенія права и высказывать ихъ, руководясь тѣми юридическими положеніями, которыя облечены уже въ форму закона.

Слѣдовательно, неправильно утверждать, что на судъ возложена правотворческая дѣятельность. Можетъ-ли быть рѣчь о творческой дѣятельности суда, когда на судъ возложена по закону обязанность только разрѣшать всякій споръ о правѣ гражданскомъ? Вѣришь сказать, что судъ призванъ къ правораспознавательной дѣятельности: *quid juris?* какъ смотритъ право на данный споръ?—такъ, какъ это предопредѣлено закономъ, а если существующимъ закономъ данный споръ вовсе не предусмотрѣнъ, то—такъ, какъ возможно объ этомъ догадаться по существующему закону, хотя бы таковой, по содержанію своему, и не имѣлъ прямого отношенія къ подлежащему разрѣшенію спору.

Несмотря однако на то, что судъ не призванъ къ созданію закона или права, несмотря на то, что суду, по закону, не принадлежатъ правотворческія функціи, все-же нельзя не признать, что судебная практика оказываетъ сильное вліяніе и на развитіе права, и на законодательную дѣятельность.

Только благодаря судебной практикѣ раскрываются такіе юридическіе положенія, о которыхъ, по всей вѣроятности, законодатель и не думалъ, когда сочинялъ существующій законъ. А когда затѣмъ высказанное однажды въ судебной практикѣ положеніе, путемъ неоднократнаго повторенія, при-

обрѣтеть прочное признаніе въ гражданскомъ оборотѣ, то и законодатель не преминетъ фиксировать это положеніе, какъ точное выраженіе того права, которое можетъ отразиться въ законѣ. Въ подтвержденіе правильности этого взгляда можно сослаться на объяснительныя записки къ проекту гражданского уложенія, гдѣ цѣлый рядъ статей будущаго гражданского закона оказывается основаннымъ на разъясненіяхъ Гражданскаго Кассационнаго Департамента въ послѣдовавшихъ въ разное время рѣшеніяхъ.

9 и 10 ст. уст. гражд. суд. говорятъ о примѣненіи нормъ права судебными мѣстами, которые оказываются призванными къ толкованію закона. Но толкованія, исходящія отъ судебныхъ мѣстъ, могутъ отличаться колебаніями. Въ цѣляхъ единообразнаго толкованія Правительствующему Сенату предоставлено законодателемъ создавать рѣшенія, имѣющія значеніе не только для даннаго дѣла, но и являющіяся образцомъ при истолкованіи аналогичныхъ споровъ. Благодаря ст. 813 и 815 уст. гражд. суд., рѣшенія Гражданскаго Кассационнаго Департамента пріобрѣли у насъ, при массѣ пробѣловъ въ нашемъ гражданскомъ законѣ, чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ благодаря этимъ рѣшеніямъ заполнены и заполняются существующіе въ законѣ пробѣлы и такимъ образомъ создается постепенно представленіе о системѣ нашего права, которая лишь скудно проявляется въ дѣйствующемъ законѣ.

По тѣмъ вѣхамъ, какими являются выраженные законодателемъ велѣнія, Правительствующій Сенатъ дѣлаетъ свои выводы о томъ, что должно быть помѣщено между этими вѣхами.

Конечно, чѣмъ больше разставлено такихъ вѣхъ, тѣмъ меньше приходится Правительствующему Сенату прибѣгать къ толкованіямъ восполнительнаго характера. Наоборотъ, чѣмъ меньше указаній даетъ дѣйствующее законодательство, чѣмъ больше разстояніе между отдѣльными вѣхами, тѣмъ интенсивнѣе должна быть дѣятельность Правительствующаго Сената по заполненію пробѣловъ. И дѣйствительно, если въ конкретномъ случаѣ рѣчь идетъ о нормѣ *juris publici, quod*

pactis privatorum mutari non potest, то Правительствующему Сенату приходится лишь установить существование такой нормы и определить ее значение по ее словесному смыслу. Напротивъ, когда возникает вопросъ о нормѣ гипотетической и въ особенности когда приходится примѣнять общія юридическія положенія, въ законѣ вовсе не выраженные, тогда предъ Правительствующимъ Сенатомъ открывается широкій просторъ въ созданіи такой нормы, которая должна выражать взглядъ нашего права на подлежащій разрѣшенію вопросъ.

По самому происхожденію Свода законовъ гражданскихъ, въ немъ отсутствуетъ общая часть, или общія ученія любого гражданского уложенія. Такія общія ученія имѣютъ далеко не одно лишь теоретическое значеніе, да и не для теоріи пишутся законы. Безъ общихъ юридическихъ положеній не можетъ обойтись судебная практика, въ особенности тамъ, гдѣ, какъ у насъ, законы „особенныхъ частей“ скудны, а законы „общей части“ отсутствуютъ. И вотъ, оказывается, что наша кассационная практика была поставлена въ необходимость возвести частныя указанія отдѣльныхъ узаконеній къ ихъ общимъ началамъ и такимъ образомъ создать тѣ ученія общаго характера, которыя въ гражданскихъ кодексахъ и въ теоретическихъ изложеніяхъ права помѣщаются въ „общей части“.

Какимъ путемъ создавались такія общія положенія? Дѣйствительно ли они всегда представляютъ выраженіе того общаго смысла, общаго духа, который возможно распознать по существующимъ узаконеніямъ, или же Правительствующій Сенатъ, устанавливая извѣстное юридическое положеніе, только формально опирается на дѣйствующие законы, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, проявляетъ рецептивную дѣятельность, пользуясь изъ теоріи права готовыми положеніями, составляющими въ настоящее время общее достояніе всѣхъ культурныхъ народовъ?

Уставъ гражданского судопроизводства о наукѣ права, о теоріи, ничего не говоритъ; онъ знаетъ только законъ въ отдѣльныхъ его проявленіяхъ или въ общемъ его смыслѣ. Поэтому, извѣстное рѣшеніе Гражданскаго Кассационнаго Де-

партаменту 1891 г. № 62, гдѣ Правительствующій Сенатъ поставилъ судебной палатѣ на видъ неумѣстность ссылокъ на „такъ называемую теорію права“, вовсе уже не представляется чѣмъ-то вошюющимъ противъ существующаго закона. Юристы-судьи первой и апелляціонной инстанціи и сенаторы Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената не могутъ не пользоваться теоріей, а иначе они не были бы и юристами. Но изученіе теорій, которыя они теперь примѣняютъ при истолкованіи нормъ дѣйствующаго законодательства, должно было оставить у нихъ общіе приемы научнаго отношенія къ нормамъ права, а вовсе не готовые афоризмы: не потому нашъ судья приходитъ къ извѣстному выводу, что по данному вопросу въ наукѣ сложился такой-то взглядъ, а потому, что на основаніи нашего закона, пользуясь освященными наукой права приемами, можно прийти къ заключенію, что дѣйствующему закону не противорѣчитъ извѣстный выводъ. И, какъ въ рѣшеніи 1891 г. № 62 правильно было указано на неумѣстность въ судебномъ рѣшеніи ссылокъ на теорію, такъ и въ настоящее время представляется не заслуживающимъ ни одобренія, ни подражанія приемъ, заключающийся въ томъ, что въ рѣшеніи дѣлаются ссылки не только на иностранныя законодательства, но и на отдѣльныя монографіи: рѣшенія, написанныя съ примѣненіемъ подобныхъ приемовъ, утрачиваютъ характеръ, присущій судебному рѣшенію, и пріобрѣтаютъ характеръ теоретическаго изслѣдованія, освященнаго не высокимъ авторитетомъ кассационной инстанціи, а вызывающимъ сомнѣнія и недоумѣнія болѣе или менѣе спорнымъ авторитетомъ того писателя, на взглядъ котораго сдѣлана ссылка. Да, ссылки на мнѣнія отдѣльных изслѣдователей, какимъ бы авторитетомъ ни пользовались они въ наукѣ, представляются въ судебныхъ рѣшеніяхъ неумѣстными, потому что судъ подобными ссылками подрываетъ авторитетность своего заключенія, разъ такое заключеніе, для своего значенія, должно быть обосновано еще на чѣмъ либо авторитетѣ. Если по юридическимъ вопросамъ не можетъ быть истребовано заключеніе экспертовъ, то, очевидно, не можетъ быть и ссылокъ на научные авторитеты; иначе, въ опровер-

женіе взгляда того писателя, на котораго дѣлается ссылка судъ, слѣдовало бы допустить возможность ссылки на писателей, придерживающихся противоположные взгляды, а такъ какъ въ нашихъ законахъ нѣтъ *lex allegatoria*, которая устанавливала бы различный удѣльный вѣсъ отдѣльныхъ юридическихъ писателей, то ссылка на авторитетъ отдѣльныхъ изслѣдователей приведетъ только къ неустойчивости авторитета самого кассационнаго рѣшенія.

Тотъ фактъ, что рѣшеніе исходитъ отъ Правительствующаго Сената, говоритъ за его авторитетность, и ни въ какихъ внѣшнихъ обоснованіяхъ, въ видѣ ссылки на литературные авторитеты, кассационное рѣшеніе не нуждается. Но это, конечно, не значитъ, чтобы Правительствующій Сенатъ не могъ воспользоваться, при изложеніи кассационнаго рѣшенія, тѣми выводами, къ какимъ въ настоящее время по данному вопросу пришла наука права: если бы выводы теоретиковъ, историковъ и догматиковъ права, были для кассационной инстанціи совершенно безразличными и между наукой и практикой оставалась бы непреходимая пропасть, то наука права утратила бы значеніе практическаго знанія, призваннаго вліять на жизнь. Судъ и кассационный Сенатъ неизбежно пользуются выводами юридической науки, тѣми ея выводами, которые въ кодексахъ дѣйствующаго права не показаны, но къ которымъ юристы, теоретики и практики, пришли въ своихъ изслѣдованіяхъ и въ своихъ заключеніяхъ по поводу частныхъ случаевъ. Но эти выводы, разъ ими воспользовался для своихъ заключеній судъ или кассационный Сенатъ, разсматриваются какъ выводы самого судебного мѣста, а не какъ положенія, высказанныя внѣ суда стоящимъ авторитетомъ, такъ же точно, какъ подсказанные суду тяжущимися сторонами доводы приобрѣтаютъ въ судебномъ рѣшеніи авторитетное значеніе не потому, что они высказаны сторонами, а потому, что они усвоены судомъ. Тѣ „общія начала“ или „общія правила“, на которыя въ своихъ рѣшеніяхъ очень часто ссылается Правительствующій Сенатъ, ни въ какихъ дѣйствующихъ законахъ не выражены. Откуда же взяты эти „общія начала“? Очевидно,—оттуда, гдѣ эти общія начала

нашли свое выраженіе, т. е. изъ какихъ либо теоретическихъ руководствъ. И въ дѣйствительности, если разсматривать многія изъ положеній кассационной практики, въ особенности положенія общаго характера, то заимствованіе этихъ положеній изъ теоретическихъ руководствъ окажется не подлежащимъ сомнѣнію, хотя за матеріаль, изъ котораго дѣлаются эти выводы, и выставляются тѣ или иные статьи дѣйствующихъ законовъ.

Дѣятельность Правительствующаго Сената по Гражданскому Кассационному Департаменту отличается въ значительной мѣрѣ рецептивнымъ характеромъ. На нашихъ глазахъ происходитъ рецепція теоретическихъ положеній права, усвоеніе этихъ положеній нашимъ правосознаніемъ, усвоеніе столь прочное, что теряется самая возможность утверждать, будто бы рецептированное положеніе не вытекаетъ изъ дѣйствующаго у насъ закона. Положенія закона переплетаются съ положеніями кассационной практики, и такимъ путемъ создается та система права, которою мы пользуемся въ настоящее время, въ ожиданіи превращенія проекта гражданскаго уложенія въ законъ. Когда наступитъ этотъ моментъ, дѣятельность Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената перестанетъ быть столь интенсивной, какъ въ настоящее время, такъ какъ „общія начала“, которыя до сего времени Правительствующему Сенату приходилось и приходится съ большимъ напряженіемъ силъ выводить изъ дѣйствующаго закона, получать свое признаніе въ самомъ текстѣ будущаго уложенія, и кассационная инстанція освободится отъ необходимости заполнять ту массу пробѣловъ, какіе обнаруживаются въ нашемъ нынѣ дѣйствующемъ законѣ, такъ какъ въ уложеніи не только будутъ разставлены вѣхи, но и установлена опредѣленная система, опредѣленное между ними соотношеніе, благодаря чему гораздо легче и удобнѣе можно будетъ дѣлать выводы, соответствующіе „общему смыслу закона“.

Но, пока проектъ гражданскаго уложенія еще не превратился въ законъ, Правительствующему Сенату предется, какъ приходилось и ранѣе, высказывать тѣ юридическія положенія общаго характера, которыя якобы вытекаютъ изъ дѣйстви-

щихъ у насъ законоположеній. Какими приёмами пользуется въ этомъ случаѣ Правительствующій Сенатъ и къ какимъ результатамъ приводитъ его пользованіе этими приёмами, это вопросы большой практической важности, такъ какъ, даже послѣ превращенія проекта уложенія въ законъ, кассационная инстанція не откажется отъ тѣхъ приёмовъ толкованія, которые постепенно слагались въ теченіе полустолѣтія въ практикѣ Гражданскаго Кассационнаго Департамента.

Большой интересъ представляетъ изученіе всѣхъ кассационныхъ толкованій; но въ особенности интересно прослѣдить, какимъ путемъ пришелъ Правительствующій Сенатъ къ установленію тѣхъ общихъ понятій, которыя въ нашемъ дѣйствующемъ законѣ прямо не выражены, но установленіе которыхъ представляется въ высшей степени важнымъ, такъ какъ изъ этихъ общихъ понятій приходится дѣлать выводы, имѣющіе значеніе въ конкретныхъ случаяхъ.

Поэтому мы остановимъ вниманіе наше на тѣхъ положеніяхъ кассационной практики, которыя, по содержанію своему, относятся къ категоріи общихъ ученій или къ общей части системы гражданскаго права. Сюда относятся: установленіе границъ между правомъ публичнымъ и частнымъ, понятіе источниковъ права и въ особенности понятіе обычая, правила толкованія нормъ права; ученіе о субъектахъ права и въ особенности о юридическихъ лицахъ, ученіе объ объектахъ права; ученіе о юридическихъ актахъ, о свободѣ воли субъекта, о соотношеніи между волею и ея выраженіемъ въ актѣ, объ условіяхъ, о срокахъ; ученіе объ осуществленіи правъ, объ искахъ.

Одинъ перечень этихъ ученій показываетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло со всею общою частью системы гражданскаго права. Чтобы отвѣтить на всѣ поставленные вопросы съ точки зрѣнія отечественнаго права, недостаточно самаго тщательнаго изученія дѣйствующаго законодательства, потому что между отдѣльными вѣхами, какими представляются статьи законовъ, оказываются огромныя ничѣмъ незаполненныя пространства, и никакой юристъ, если только онъ не облеченъ *jus respondendi*, не въ состояніи заполнить своимъ заключеніемъ эти пустыя мѣста, потому что нѣтъ у него соответствующаго матеріала

въ дѣйствующемъ правѣ. Чтобы заполнить эти пробѣлы юридическими выводами, нужна извѣстная смѣлость, смѣлость фантазіи, нуженъ полетъ мысли; но нужно еще нѣчто: нужно, чтобы эти выводы были внѣ критики и сомнѣнія, какъ положенія, выражающія непререкаемую истину. Такимъ характеромъ отличаются тезисы Правительствующаго Сената въ періодъ времени, пока позднѣйшимъ рѣшеніемъ не отмѣнено положеніе, высказанное въ болѣе раннихъ рѣшеніяхъ. Ст. 815 уст. гражд. суд. обезпечиваетъ кассационнымъ рѣшеніемъ силу положеній, дѣйствующихъ не параллельно съ велѣніями закона, а иногда даже въ разрѣзъ съ тѣми нормами, которые даютъ содержаніе статьямъ Свода законовъ. Такое значеніе кассационныхъ рѣшеній привлекаетъ къ изученію ихъ вниманіе юриста, ищущаго въ кассационной практикѣ не однихъ лишь готовыхъ тезисовъ, но и приемовъ мысли, приводящихъ къ этимъ тезисамъ.

І. Право гражданское и право публичное.

Вопросъ о границѣ между гражданскимъ и публичнымъ правомъ важенъ для практическаго юриста не по соображеніямъ юридической систематики, а въ виду ст. 1 уст. гражд. суд., относящей къ вѣдѣнію гражданского суда всякій споръ о правѣ гражданскомъ, между тѣмъ какъ споры, вытекающіе изъ примѣненія нормъ публичнаго права, не могутъ быть разрѣшаемы въ порядкѣ судебномъ. И вотъ, вопросу о подвѣдомственности того или иного спора и посвящено значительное число рѣшеній Гражданскаго Кассационнаго Департамента и Общаго Собранія Кассационныхъ и Перваго Департаментовъ Правительствующаго Сената.

Чѣмъ руководствуется Правительствующій Сенатъ, относя данный споръ къ числу споровъ о правѣ гражданскомъ и, такимъ образомъ, признавая его подвѣдомственность гражданскому суду или, наоборотъ, не признавая его споромъ о гражданскомъ правѣ и, вслѣдствіе этого, отрицая его подсудность суду гражданскому? За неизмѣнимъ въ дѣйствующемъ законѣ указаній на признаки различія между обѣими областями права, очевидно, Правительствующему Сенату приходится исходить

изъ формулированнаго Ульпианомъ положенія: *hujus studii duae sunt positiones, publicum et privatum: publicum jus est quod ad statum rei Romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem*. Конечно, это положеніе римскаго юриста не даетъ намъ точнаго отвѣта на вопросъ о границахъ между гражданскимъ, частнымъ, и публичнымъ правомъ. Возбуждать вопросъ объ *utilitas publica* или *utilitas privata* для установленія границы между обѣими областями права возможно лишь тогда, когда приходятъ въ соприкосновеніе имущественные интересы двухъ сторонъ, изъ коихъ одна—частное лицо, а другая—государственное установленіе.

Не всякое требованіе, въ коемъ стороною является государство или какое либо его установленіе, принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ „безспорныхъ“, не допускающихъ состязанія въ судебномъ порядкѣ. Вѣдь такъ называемыя „казенныя управленія“ оказываются субъектами частнаго права, и вотъ инныя требованія казенныхъ управленій по отношенію къ частнымъ лицамъ или, наоборотъ, частныхъ лицъ по отношенію къ казеннымъ управленіямъ оказываются подвѣдомыми суду, а другія—нѣтъ. Спрашивается, въ чемъ же усматривать *utilitas singulorum*, въ чемъ видѣтъ *utilitas publica*. Если бы возможно было дать исчерпывающій отвѣтъ на этотъ вопросъ, то Правительствующему Сенату не было бы надобности создавать такую массу рѣшеній, посвященныхъ разграниченію права гражданскаго отъ права публичнаго.

Но именно то обстоятельство, что найти исчерпывающую формулу для признаковъ, характеризующихъ частныя и публичныя права, до сего времени никому еще не удалось, это то обстоятельство и приводитъ Правительствующій Сенатъ къ необходимости разрѣшать вопросъ о разграниченіи обѣихъ областей права, такъ сказать, ощупью.

Можно замѣтить, что, разъ возникаетъ въ практикѣ сомнѣніе о примѣнимости въ конкретномъ случаѣ судебного порядка и вопросъ этотъ предлагаютъ на разрѣшеніе Правительствующаго Сената, то выводъ Сената оказывается не въ пользу судебного разсмотрѣнія дѣла.

Предшествовавшее Судебнымъ Уставамъ законодательство